

Послѣдніе дни жизни и кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта, Константина Карловича Данзаса. Изданіе Я. А. Исакова. Санктпетербургъ. 1863 г.

Авторъ этой брошюры, г. Аммосовъ, имя котораго встрѣчалось подъ двумя, тремя убогими стихотвореніями, вѣроятно хотѣлъ сказать: послѣдніе дни и кончина Пушкина, *разсказанные* со словъ, и т. д., но не сказалъ, и придавъ словамъ К. К. Данзаса какое-то убійственное значеніе. Это, во первыхъ. Во вторыхъ, г. Данзасъ не переставалъ быть лицейскимъ товарищемъ Пушкина, слѣдовательно, не *бывшій*.

Хотя обстоятельства дуэли Пушкина близко извѣстны многимъ по слуху, а письма, предшествовавшія ей, довольно распространены въ рукописи, но брошюра г. Аммосова представляетъ подробности о дуэли, которыя забывались или искажались въ устныхъ разсказахъ; теперь же изложены на основаніи достовѣрнаго источника. «Имѣя честь близко и давно знать глубоко уважаемаго нами г. Данзаса (говоритъ авторъ) и бесѣдуя съ нимъ при частыхъ встрѣчахъ, мы не рѣдко старались *незамѣтно* (какая тонкость!) наводить разговоръ нашъ на обстоятельства, сопровождавшія кончину Пушкина. Разсказы Константина Карловича, тотчасъ по окончаніи нашихъ бесѣдъ, старались мы записывать, по возможности слово въ слово, и сдѣланныя нами замѣтки прочитывали потомъ ему» (стр. 4). Издатели особенно заслуживаютъ благодарности за то, что выхлопотали разрѣшеніе напечатать переписку по поводу дуэли, переписку весьма любопытную и ярко характеризующую современное общесгво. Письма эти, напечатанныя со множествомъ опечатокъ, и переведенныя на русскій языкъ, отнесены въ приложенія, составляющія половину брошюры.

На основаніи этихъ документовъ мы расскажемъ исторію дуэли, дополнивъ описаніе г. Аммосова нѣкорыми новыми подробностями.

Авторъ начинаетъ біографическими свѣдѣніями о главномъ виновникѣ катастрофы Дантесѣ, который, какъ мѣтко выразился о немъ Лермонтовъ въ стихотвореніи «На смерть Пушкина», былъ

. издалека,
 Подобно сѣтямъ бѣглецовъ,
 На ловлю счастья и чиновъ
 Зброшенъ къ намъ по волѣ рока.

Дантесъ былъ челоѡкъ «весьма скудно образованный», и не смотря на «фатовство и слабость хвастагъ своими успѣхами у женщинъ», въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ «пользовался очень хорошей репутаціей» и нравился «всѣмъ съ перваго взгляда», единственно лишь

.. ватѣмъ, что былъ французъ.

Дантесъ былъ принятъ въ кавалергардскій полкъ, прямо офицеромъ (стр. 7), а бывшій тогда въ Петербургѣ голландскій посланникъ баронъ Хеккернъ, «челоѡкъ замѣчательно безнравственный», усыновилъ Дантеса и передалъ ему свою фамилію. Оба они, ведя жизнь «совершенно свѣтскую», то есть праздную, часто посѣщали семейство Пушкина и близкіе ему дома Карамзиныхъ и князя П. А. Вяземскаго. Скоро стали распространяться слухи, что Дантесъ ухаживаетъ за Н. Н. Пушкиной, и когда дошли до мужа, онъ пересталъ принимать Дантеса. Вслѣдъ за этимъ Пушкинъ получилъ нѣсколько дерзкихъ анонимныхъ пасквилей на французскомъ языкѣ, одинаковаго содержанія, но писанныхъ разными руками. Пасквиль этотъ не напечатанъ, и хотя извѣстенъ по рукописнымъ спискамъ, но мы не приводимъ его по тому же чувству, въ отношеніи къ упомянаемымъ и подразумеваемымъ въ немъ лицамъ, которое, вѣроятно, удержало и издателей отъ воспроизведенія этого возмутительно грязнаго документа. Авторомъ пасквиля Пушкинъ подозрѣвалъ Хеккернотца, «по сходству почерка», и, какъ мы слышали, еще потому, что нѣкоторые изъ читавшихъ записки, признанія, что онѣ писаны на той самой бумагѣ, которая употреблялась въ голландскомъ посольствѣ. Подозрѣнія эти Пушкинъ высказалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ тогдашнему шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу:

«Monsieur le Comte!

«Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin du 4 Novembre. je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allais aux recherches. J'appris, que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

«On fut en général indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable,

on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait m-r Dantès.

«Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire a m-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour m-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.

«Il se trouve, que dans l'intervalle accordé m-r Dantès devint amoureux de ma belle soeur m-lle Gontscharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à m-r d'Archiak (second de m-r Dantès), que ma provocation fut regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de m-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

«Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux, ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

«En tout cas, j'espère, monsieur le Comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

«C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être,

«monsieur le Comte,

«Votre très humble et très obéissant serviteur

«A. Pouchkine.»

Но подозрѣнія Пушкина были неосновательны: оказалось, что Хеккернъ не принималъ непосредственнаго участія въ анонимныхъ письмахъ, и что они сочинялись, переписывались и распространялись нашимъ же аристократическимъ обществомъ. По смерти Пушкина, многіе подозрѣвали въ этомъ позорномъ дѣлѣ князя Гагарина, вступившаго потомъ въ іезуиты. Будучи уже за границей, онъ признался, что записки были писаны у него и на его бумагѣ, но не имъ, а княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, тѣмъ самымъ, который издавалъ за границею прекратившіеся съ скандаломъ журналы «Будущность», «Правдивый» и «Правдолюбивый», а года два тому назадъ подвергся въ Парижѣ публичному преслѣдованію и осужденію за анонимное же письмо къ князю Воронцову. Если бы не было анонимныхъ писемъ, то, по мнѣнію г. Данзаса, не было бы и дуэли. Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ смерти великаго поэта оказывается князь Долгоруковъ, при участіи достойнаго послѣдователя Лойолы, князя Гагарина, а молодой Хеккернъ былъ только бессмысленнымъ орудіемъ клеветы и убійства.

Отказъ молодому Хеккерну отъ дома «не прекрагилъ гнусной интриги». Онъ нѣсколько разъ писалъ Н. Н. Пушкиной, которая, по словамъ г. Данзаса, показывала письма мужу, а оскорбительные слу-

хи не прекращались и вынудили Пушкина послать къ Хеккерну, чрезъ К. О. Рашта, вызовъ, который былъ принятъ съ отсрочкою на двѣ недѣли и сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, князю Вяземскому и отцу противника, старавшимся разстроить дуэль. Хеккернъ—отецъ объявилъ, между прочимъ, Жуковскому, что вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной было дурно понято, и что онъ имѣлъ только намѣреніе просить руки жившей у нея сестры ея, Катерины Николаевны Гончаровой. Жуковскій сообщилъ объ этомъ Пушкину и совѣтовалъ Хеккерну сдѣлать скорѣе предложеніе, чтобы прекратить враждебные слухи и отношенія. Онъ немедленно послѣдовалъ совѣту, и зимой 1836 г. была его свадьба съ дѣвицей Гончаровой. Во все это время Пушкинъ не измѣнилъ дружескихъ отношеній съ женою, не обвинялъ ее ни въ чемъ и сохранилъ къ ней прежнее довѣріе; но съ Хеккерномъ, не смотря на его женитьбу, не хотѣлъ помириться. Хеккернъ, по совѣту своего отца, искалъ встрѣчь съ Пушкинымъ и писалъ ему письма, въ которыхъ убѣждалъ забыть прошлое и помириться. Авторъ, можетъ быть и не безъ основанія, видитъ въ этихъ впушеніяхъ тайную злобу *мстительнаго голландца*, раздраженнаго сухимъ, почти презрительнымъ обращеніемъ съ нимъ поэта. Намъ кажется однакожь вѣроятнѣе, на основаніи сообщаемыхъ г. Аммосовымъ фактовъ, что взаимное озлобленіе обѣихъ сторонъ поддерживалось не столько которою либо изъ нихъ, какъ самимъ обществомъ, которое находило какое-то злобное удовольствіе въ этомъ натравливаніи противниковъ другъ на друга. Общество раздѣлилось на партіи, хотя враждовавшія между собою, но одинаково преслѣдовавшія поэта, одна своимъ неловкимъ участіемъ и непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ его дѣла, другая — неутомимою и самою мелочною злобою. Чѣмъ усерднѣе опровергались одною изъ нихъ оскорбительные слухи, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ распространялись они другою, и пока одни старались успокоивать Пушкина, другіе нарочно давали балы и вечера, чтобъ устроить, какъ будто неожиданную, встрѣчу жены его съ Хеккерномъ,

И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ.

Въ честь новобрачныхъ данъ былъ графомъ Строгоновымъ обѣдъ, съ цѣлью условленнаго заранѣе нѣкоторыми лицами примиренія Пушкина съ Хеккерномъ; но оно, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось: Пушкинъ сухо отвѣчалъ, что, не смотря на родство, не желаетъ возобновлять съ нимъ отношеній. Однакожь, не смотря на такой отвѣтъ, молодые пріѣзжали къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ, но онъ не принималъ ихъ. Послѣ этого Хеккернъ написалъ къ

нему второе письмо, которое Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ, и поѣхалъ къ родственницѣ своей, Фрейлинѣ Е. И. Загряжской, чтобы черезъ нее возвратить письмо. Встрѣтясь тамъ съ отцомъ Хеккерномъ, онъ просилъ его передать письмо тому, кто его писалъ, прибавивъ, что не желаетъ ни читать писемъ его сына, ни даже слышать его имени. Баронъ отвѣчалъ, что письмо адресовано не ему и что онъ не можетъ принять его. Взорванный этимъ отвѣтомъ, Пушкинъ бросилъ письмо въ лицо Хеккерну, сказавъ: «*Tu la gesevra, gredin!*» Такое энергическое объясненіе произвело совершенный разрывъ, а враждующія партіи, образовавшіяся въ обществѣ, обрисовались яснѣе. На сторонѣ Хеккерна, т. е. противъ Пушкина, кромѣ упомянутыхъ уже лицъ, были часть офицеровъ кавалергардскаго полка, графъ Бенкендорфъ, родственница его, княгиня Б., и многія другія великосвѣтскія дамы, которыя, по словамъ автора, почти всѣ «не отличались блистательною репутаціею (,) и не могли служить примѣромъ нравственности» (стр. 16). Чувствуя неприятность подобныхъ обстоятельствъ, Наталья Николаевна предлагала мужу уѣхать съ нею, на время, изъ Петербурга; но Пушкинъ, потерявъ терпѣнье, рѣшился кончить иначе и написалъ Хеккерну слѣдующее письмо, бывшее окончательной причиной роковой дуэли:

«*Monsieur le Baron!*

«*Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de m-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eût été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçû les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: j'e fis jouer à m-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avait-elle ressentie pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris, le plus calme et mieux mérité. Vous me permettrez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard ou soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroitement d'ailleurs) a été probablement dirigé par vous; c'est vous probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter, et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vielle, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins, pour lui parler de l'amour de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rendez moi mon fils». Vous sentez bien, qu'après tout cela*

je ne pouvais souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition, que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que m-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembours de corps de garde, tout en jouant le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de vous prier, Monsieur le Baron, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

«J'ai l'honneur d'être etc.

«A. Pouchkine.»

Fac-simile съ копиі этого письма, собственноручно списанной Пушкинымъ для свидѣтелей, находится въ приложеніяхъ. Получивъ письмо, Хеккернъ бросился за совѣтомъ къ графу С., который посовѣтовалъ, чтобы сынъ барона вызвалъ Пушкина на дуэль, «такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ» (!). Слѣдя его совѣту, Хеккернъ написалъ Пушкину, отъ имени своего сына, вызовъ, отправивъ его съ служившимъ при французскомъ посольствѣ виконтомъ д'Аршіакомъ, который долженъ былъ условиться о мѣстѣ немедленной ихъ встрѣчи. Аршіакъ доставилъ Пушкину свою визитную карточку съ слѣдующею надписью: «Je prie m-r de Pouchkine de me faire l'honneur de me dire s'il peut me recevoir, ou s'il ne peut maintenant, à quelle heure ce sera possible». Отвѣтъ Пушкина неизвѣстенъ, но 26 января Аршіакъ увѣдомилъ его, что будетъ ждать у себя, а съ 11 часовъ вечера на балѣ у графини Разумовской, лицо съ порученіемъ условиться о дѣлѣ, которое должно кончиться завтра. На другой день, въ 9 часовъ утра, Аршіакъ снова писалъ Пушкину, требуя, чтобы онъ прислалъ для переговоровъ своего секунданта. Пушкинъ немедленно отвѣчалъ слѣдующее:

«Monsieur le Vicomte!

«Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est m-r Heckern, qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je

ne bouge plus que pour aller sur place. Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération.

«A. Pouchkine.»

Entre 9¹/₂ et 10 h. du matin
27 Janvier.

Это были послѣднія строки, написанныя великимъ поэтомъ. Аршіакъ отвѣчалъ, что Хеккернъ поставляетъ однимъ изъ своихъ условій свиданіе свидѣтелей передъ дуэлью, и что Пушкинъ долженъ самъ выбрать своего. Пушкинъ немедленно отправился къ г. Данзасу, жившему тогда близъ Таврическаго сада. Мы слышали, что г. Данзасъ видѣлъ ту ночь во снѣ, что Пушкинъ умеръ, и самъ спѣшилъ къ нему, чтобъ узнать, не случилось ли съ нимъ чего нибудь. Они встрѣтились въ Пантелеймоновской, близъ цѣпнаго моста. Пушкинъ посадилъ Данзаса съ собой въ сани, сказавъ, что намѣренъ везти его во французское посольство, гдѣ онъ будетъ свидѣтелемъ одного разговора. Дорогой до большой Милліонной, они говорили о совершенно постороннихъ вещахъ. Поздоровавшись съ Аршіакомъ, Пушкинъ разсказалъ при немъ г. Данзасу свои послѣднія отношенія къ Хеккернямъ. О разговорѣ этомъ упоминаетъ князь П. А. Вяземскій въ неизданномъ письмѣ къ А. Я. Булгакову, которое намъ извѣстно по сдѣланной изъ него выпискѣ: «Il y a deux espèces de coeurs, — сказалъ Пушкинъ Аршіаку, — ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux qui le sont par la grâce du public est plus embarrassant, et c'est le mien». Прочитавъ копію своего письма къ Хеккерну—отцу, которую вручилъ г. Данзасу, Пушкинъ окончилъ свое объясненіе слѣдующими словами: «Maintenant la seule chose que j'ai à vous dire c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Heckern, père ou fils, je leur cracherai à la figure». Потомъ, указавъ на Данзаса, сказалъ: «Voilà mon témoin», спросилъ: согласенъ ли онъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, уѣхалъ, оставивъ секундантовъ условиться о дуэли. Условія, сдѣланныя по желанію Аршіака, были слѣдующія: дуэль назначена была въ тотъ же день, 27 января, въ 5-мъ часу по полудни, за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи. Оружіе—пистолеты; разстояніе—двадцать шаговъ; но каждый изъ противниковъ могъ сдѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру. Преимущество перваго выстрѣла никому не было предоставлено: каждый могъ стрѣлять когда угодно; въ случаѣ же промаха съ обѣихъ сторонъ, дуэль продолжалась на тѣхъ же условіяхъ. Объясненія между противниками не допускались; въ случаѣ же надобности, за нихъ должны были объясняться секунданты. Г. Данзасъ немедленно возвратился къ Пушкину, который, не прочитавъ даже условій, согласился на все. Условьясь сойтись съ нимъ въ кондитерской Вольфа, г. Данзасъ нанялъ пар-

ные сани, заѣхалъ къ оружейнику Куракину за пистолетами, заранѣе выбранными Пушкинымъ, и къ четыремъ часамъ прѣѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его. Авторъ рассказываетъ по этому случаю слѣдующую подробность: «Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Данзасъ не помнитъ, Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской» (стр. 21). А вѣдь какъ жаль, что не помнитъ... На дворцовой набережной встрѣтилась Данзасу и Пушкину жена поэта въ экипажѣ. «Данзасъ узналъ ее, надежда въ немъ блеснула, встрѣча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону». По видимому, онъ былъ совершенно спокоенъ, и на Невѣ спросилъ г. Данзаса, невѣ крѣпость ли онъ везетъ его. Всевозможныя неблагопріятныя обстоятельства соединились для неизбежности роковой развязки. Множество всдѣковѣтскихъ знакомыхъ Пушкина всгрѣчалось ему возвращаясь съ катанья на ледяныхъ горахъ, и хотя сдѣланный ему вызовъ не могъ быть извѣстенъ, но въ то время, когда нужно было поосторожнее вмѣшательство, никто какъ будто не догадывался о дуэли. Тайное недоброжелательство Пушкину со стороны русскихъ князей и графовъ и иностранныхъ бароновъ и виконтовъ было довершено покойнымъ графомъ Бенкендорфомъ, ненавидѣвшимъ Пушкина. «Однимъ только этимъ нерасположеніемъ, говоритъ Данзасъ, и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатеринбургъ, будто бы по ошибкѣ»... (стр. 15). Противники подѣхали къ комендантской дачѣ одновременно, въ половинѣ пятого. Погода была ясная, и при пятнадцатиградусномъ морозѣ, думъ довольно сильный вѣтеръ. Секунданты вышли отыскивать удобное мѣсто, и нашли саженьхъ въ полтораста отъ комендантской дачи площадку, окруженную кустарникомъ, отмѣряли двадцать шаговъ, на пространствѣ которыхъ утоптали глубокой снѣгъ, и когда все было готово, позвали противниковъ. На вопросъ г. Данзаса, удобно ли выбранное мѣсто, Пушкинъ отвѣчалъ: «Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite». Означивъ барьеры своими шинелями, секунданты начали заряжать пистолеты. Пушкинъ былъ въ нетерпѣніи, и спросилъ: «Eh bien! est-ce fini»? Наконецъ противниковъ поставили, дали имъ пистолеты, и по знаку, который сдѣлалъ г. Данзасъ, махнулъ шляпой, они стали сходитьсь. Пушкинъ немедленно подошелъ къ барьеру, и началъ наводить пистолетъ; но Хеккернъ, пройдя четыре шага, выстрѣлилъ раньше. Раненый Пушкинъ упалъ на шинель г. Данзаса и оставался недвижимъ лицомъ къ землѣ. Секунданты бросились къ нему; Хеккернъ хотѣлъ сдѣлать то же; но Пушкинъ поднимаясь, сказалъ ему: «Attendez!»... Хеккернъ возвратился къ барьеру, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь правою рукою. Пистолетъ, который держалъ Пушкинъ, былъ по-

крыть снѣгомъ, и потому г. Данзасъ подаль ему другой. Приподнявшись немного и опираясь на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ. Противникъ упалъ. На вопросъ Пушкина, куда онъ ранилъ его, Хеккернъ отвѣчалъ: «Je crois que j'ai la balle dans la poitrine».

«Bravo!» вскрикнулъ Пушкинъ, отбросивъ пистолеть, и снова упалъ лишившись чувствъ. Онъ два раза терялъ сознание, которое, однакожь, скоро возвращалось... Но Хеккернъ ошибся: пуля контузила ему грудь и попала въ руку. Пушкинъ же былъ раненъ смертельно: пуля, раздробивъ кость верхней части правой ноги у соединенія съ тазомъ, остановилась въ животѣ. Секунданты подозвали извозчиковъ и съ помощью ихъ разобрали заборъ, мѣшавшій подъѣхать къ мѣсту, гдѣ лежалъ Пушкинъ. Усадивъ его въ сани, оба они пошли возлѣ, а Хеккернъ ѣхалъ за ними. На разстояніи около полуверсты самой дурной дороги Пушкинъ сильно страдалъ, но не жаловался. Всѣ эти подробности дуэли описаны въ напечатанныхъ, въ приложеніяхъ, двухъ письмахъ къ князю Вяземскому отъ секундантовъ, которые засвидѣтельствовали, что обѣ стороны, во все продолженіе дѣла, держали себя съ достоинствомъ. У комендантской дачи ожидала карета, присланная, на всякій случай, Хеккерномъ—отцомъ. Хеккернъ и Аршіакъ предложили г. Данзасу отвезти въ ней Пушкина, для котораго не было принято даже этой, самой простой предосторожности, не говоря уже о докторѣ, необходимость котораго при дуэли на такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ была несомнѣнна. Не сказавъ, кому принадлежала карета, г. Данзасъ посадилъ въ нее раненаго и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. «Пушкинъ, говоритъ г. Анненковъ въ его біографіи, еще поглядѣлъ вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: «Мы не все кончили съ нимъ», но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго». Дорогой онъ держался довольно бодро, но, чувствуя по временамъ сильную боль, началъ подозрѣвать опасность раны. Онъ вспомнилъ о знакомомъ ихъ Щербачевѣ, смертельно раненомъ въ животъ на дуэли съ Дороховымъ, и жалуетъ на боль, сказавъ г. Данзасу: «Я боюсь, не раненъ ли я какъ Щербачевъ». Пушкинъ напомнилъ также о своей дуэли съ Зубовымъ въ Кишиневѣ, которая кончилась далеко не трагически, и о которой онъ когда-то сказалъ:

Пушкинъ съ Зубовымъ подрался:
Пушкинъ..., а тотъ...

Онъ особенно безпокоился, чтобы не испугать жены, и давалъ наставленія г. Данзасу какъ поступить, чтобъ этого не случилось. У подъѣзда своей квартиры на Мойкѣ, въ домѣ княгини Волконской, Пушкинъ

просилъ г. Данзаса выдти впередъ, послать прислугу, чтобъ вынести его изъ кареты, и предупредить и успокоить его жену. Отсюда начинается трогательная драма кончины, описанная Жуковскимъ въ извѣстномъ письмѣ его къ отцу поэта. Оно напечатано въ «Современникѣ» 1837 г. (т. V) подъ заглавіемъ *Послѣднія минуты Пушкина*, нѣсколько разъ перепечатывалось и вошло въ приложенія къ біографіи поэта, написанной г. Анненковымъ. Матеріаломъ для этого письма, кромѣ личныхъ воспоминаній Жуковскаго, послужила еще написанная для памяти домашнимъ врачомъ Пушкина, покойнымъ докторомъ И. Т. Спасскимъ, статья, напечатанная лишь недавно въ «Библіографическихъ запискахъ» (1859 г. т. II. № 18, стр. 555—559). Оба они почти безотлучно находились при умиравшемъ. Описаніе Жуковскаго дополнено нѣкоторыми подробностями въ составленной Байтъшъ-Каменскимъ, для своего «Словаря достопамятныхъ Россіянъ», біографіи поэта, выписка изъ которой также приложена къ труду г. Анненкова. Источники эти, по видимому, неизвѣстны г. Аммосову, который нигдѣ не ссылается на нихъ, и рассказывая нѣкоторыя мелочныя подробности, пропускаетъ болѣе важныя. Если бы автору были извѣстны эти описанія, онъ старался бы примирить нѣкоторое разногласіе между ними и его рассказомъ, разногласіе не важное, но разъяснить которое лежало на непремѣнной обязанности позднѣйшаго рассказчика. Хотя г. Данзасъ былъ такимъ же близкимъ свидѣтелемъ кончины Пушкина, какъ Спасскій и Жуковскій, но есть основанія болѣе довѣрять послѣднимъ. Они записали свои воспоминанія подъ свѣжими впечатлѣніями только что совершившейся передъ ними драмы: воспоминанія Спасскаго помѣчены 2 февраля 1837 года, слѣдовательно окончены на шестой день по смерти поэта, а письмо Жуковскаго, написанное по полученіи извѣстія о погребеніи, имѣетъ помѣту *15 февраля 1837 года*. Весьма естественно, что воспоминанія, записанныя немедленно, подъ вліяніемъ неостывшихъ еще впечатлѣній, должны быть гораздо живѣе, обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ рассказъ, спустя двадцать пять лѣтъ записанный, при томъ не самимъ очевидцемъ, а только со словъ его человѣкомъ совершенно постороннимъ. Если бы еще самъ г. Данзасъ описалъ то, чего былъ близкимъ свидѣтелемъ, слова его имѣли бы болѣе значенія, описаніе его, какъ очевидца, было бы живѣе, и вѣроятно заключало бы нѣкоторыя новыя подробности, такъ легко улетающія въ изустномъ рассказѣ. Но послѣ трогательныхъ страницъ Жуковскаго, принадлежащихъ къ его лучшимъ произведеніямъ, какъ-то странно читать жиденькое и сухое описаніе г. Аммосова, приправленное, вѣроятно по его мнѣнію поэтическими, прикрасами, наиримѣръ, въ родѣ слѣдующей:

«Г-жа Пушкина возвратилась въ кабинетъ въ самую минуту его смерти... Наталья Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающаго мужа, она бросилась къ нему (,) и упала передъ нимъ на колѣни; (,) густые(я) темнорусые(я) букли *въ безпорядкѣ разсыпались у ней по плечамъ*. Съ глубокимъ отчаяніемъ она протянула руки къ Пушкину, толкала его (,) и (,) рыдая (,) вскрикивала: «Пушкинъ, Пушкинъ, ты живъ!?» Картина была разрывающая душу»... (Стр. 38).

Послѣ Спасскаго, Жуковскаго и Бантышъ-Каменскаго трудно сказать что нибудь новаго о кончинѣ Пушкина. Кромѣ темнорусыхъ буклей, въ безпорядкѣ разсыпавшихся по плечамъ, въ описаніи г. Аммосова находятся только слѣдующія новыя подробности:

1) Г. Данзасъ, отправившійся за докторомъ, троихъ врачей не нашелъ дома, и обратился къ встрѣтившемуся съ нимъ доктору Шольцу, который оказался акушеромъ, но вызвался однакожъ привезти другаго доктора, и дѣйствительно скоро пріѣхалъ къ Пушкину съ Задлеромъ, уже успѣвшимъ перевязать рану Хеккерна (стр. 29). Слѣдовательно умирающій остался безъ медицинской помощи, по крайней мѣрѣ, не менѣе двухъ часовъ.

2) «Впродолженіе ночи (говоритъ Аммосовъ) страданія Пушкина до того усилились, что онъ рѣшился застрѣлиться. Позвавъ человека, онъ велѣлъ подать ему одинъ изъ ящичковъ письменнаго стола; человекъ исполнилъ его волю, но вспомнивъ, что въ этомъ ящикѣ были пистолеты, предупредилъ Данзаса. Данзасъ подошелъ къ Пушкину (,) и взялъ у него пистолеты, которые тотъ уже спряталъ подъ одѣяло; отдавая ихъ Данзасу, Пушкинъ признался, что хотѣлъ застрѣлиться, потому что страданія его были невыносимы. По утру на другой день 28 января боли нѣсколько уменьшились, Пушкинъ пожелалъ видѣть: жену, дѣтей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы съ ними проститься» (стр. 32).

3) «Подъѣздъ съ утра (29 января) былъ *атакованъ* публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ Преображенскій полкъ, съ просьбою поставить укрывца часовыхъ (!), чтобы возстановить какой нибудь порядокъ (!?); густая масса собравшихся загораживала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина» (стр. 36).

Мы полагаемъ, однакожъ, что участіе общества, весьма естественно, не заслуживало полицейскаго, или даже военнаго, вмѣшательства.

Вотъ все, что оказалось новаго о послѣднихъ минутахъ Пушкина, въ описаніи г. Аммосова, которое умѣстилось на 40 страничкахъ крупнѣйшей печати. Самая любопытная и полезная часть его труда

та, которая не принадлежит автору, — приложения; но онъ обезображены такимъ множествомъ опечатокъ, что иногда трудно добраться до смысла.

Отчетъ члена главнаго правленія училищъ Воронова по обзорѣнію учебныхъ заведеній московскаго округа. 64 стр.

Отчетъ члена главнаго правленія училищъ т. с. Могиланскаго по обзорѣнію гимназій Харьковскаго учебнаго округа въ 1863 году. 17 стр.

Эти два отчета написаны нѣсколько различно: первый, по поводу обзорѣнія заведеній Московскаго округа, преимущественно гимназій, входитъ въ подробности о ихъ нынѣшнемъ устройствѣ и о неудовлетворительности разныхъ административныхъ и педагогическихъ порядковъ, которые должны бы быть измѣнены; второй говоритъ объ этомъ очень мало и отмѣчаетъ только, согласно ли устройство тѣхъ или другихъ гимназій съ официальными предписаніями. Такъ напр. второй отчетъ замѣчаетъ прежде всего, что учебныя заведенія Харьковскаго округа «организованы совершенно правильно, согласно съ уставомъ 1828 года и дополнительными постановленіями, развиваются успѣшно и приносятъ всю пользу, какую при настоящей организаціи можно отъ нихъ ожидать». Эти свѣдѣнія имѣютъ конечно свою официальную важность, но для общаго вопроса объ устройствѣ нашихъ среднихъ заведеній они не представляютъ конечно этой важности, какъ и вообще отчетъ опредѣляетъ почти только официальный status quo учебныхъ заведеній. Онъ упоминаетъ между прочимъ и объ учительскихъ сѣздахъ, происходившихъ въ Харьковскомъ округѣ: «о пользѣ учительскихъ сѣздовъ было бы излишне распространяться здѣсь, говоритъ отчетъ, она не подлежитъ никакому сомнѣнію... но въ этомъ дѣлѣ есть вопросы еще нерѣшенные окончательно, по крайней мѣрѣ рѣшавшіеся начальствомъ округа различно, а именно о *мѣстѣ* и *времени* сѣздовъ, и вопросы немаловажные, потому что отъ рѣшенія ихъ зависитъ степень теплоты усердія, искренности участія въ нихъ учителей, а слѣдовательно и плодотворность сѣздовъ» (стр. 2). Отчетъ находитъ, что всего лучше устраивать сѣзды въ гимназическихъ и особенно университетскихъ городахъ, гдѣ учителя уѣздныхъ училищъ могли бы видѣть высшія учебныя заведенія съ ихъ коллекціями, услышать лекціи, которые бы могли быть прочтены нарочно для нихъ и т. д. Свое мнѣніе о сѣз-